

ОТНОШЕНИЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА: ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Андрей Анатольевич ПЕЛИПЕНКО,

доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор,
главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра
Московского психолого-социального университета, г. Москва

e-mail: demoped@yandex.ru

Генеральной тенденцией современности автор полагает вытеснение на периферию будущего культурного и цивилизационного пространства логоцентрических дискурсов и их носителей, что происходит в результате противоборства универсальных тенденций интеграции и дезинтеграции, которые представлены парадигмами глобализации и постмодерна. В то же время автор отмечает, что человечества как единого субъекта не существует, поэтому платой за размашистые обобщения и риторические удобства рассуждений оказывается неадекватность понимания Другого, несостоятельность прогнозов, неосуществимость крупномасштабных социально-политических программ, ориентированных на некий усреднённый человеческий стандарт. Автор подчёркивает то, что современная ситуация в мире характеризуется диффузным взаимопроникновением культурно-цивилизационных систем, что размывает не только традиционные геополитические границы, но и сам привычный дискурс рассмотрения этнокультурных и цивилизационных различий по линии Восток – Запад.

Ключевые слова: глобализация, постмодернизм, логоцентризм, неолиберализм, западная цивилизация, восточная цивилизация, культурное взаимодействие.

THE RELATIONSHIP OF THE WEST AND THE EAST: THE PROSPECTS OF CULTURAL COOPERATION

A. A. Pelipenko, Full Doctor of Philosophy, Ph.D. (Art Criticism), Chief Researcher
of the Scientific Research center of the Moscow Psycho-Social University

e-mail: demoped@yandex.ru

The general trend of our times the author believes displacement to the periphery of the future cultural and civilizational space logocentric discourses and their speakers. This general trend is seen as the resultant of integrative and disintegrative processes, which oppose, generally speaking, throughout social history. In today's world of universal trends of integration and disintegration is represented by paradigms of globalization and postmodernity. At the same time the author notes that the humanity as a single entity does not exist therefore inadequacy of understanding of Another, insolvency of forecasts, an impracticability of the large-scale social and political programs focused on a certain average human standard appears a payment for wide generalizations and rhetorical conveniences of reasonings. The author emphasizes that the modern situation in the world is characterized by a diffuse interpenetration of cultural and civilizational systems, which blurs not only the traditional geopolitical frontiers, but also the familiar discourse of consideration of ethno-cultural and civilizational differences on a line East – West.

Key words: globalization, postmodernism, logocentrism, neo-liberalism, Western civilization, Eastern civilization, cultural interaction.

Современная ситуация в мире характеризуется диффузным взаимопроникновением культурно-цивилизационных систем, что размывает не только традиционные геополитические фронтиры, но и сам привычный дискурс рассмотрения этнокультурных и цивилизационных различий по линии Восток – Запад.

Предчувствие кризиса и сброса, уплотнения, опрожнения, избавления от балласта витает в воздухе. Кого-то это пугает, кто-то радуется в предвкушении возможности выплеснуть наружу естественно присущую человеку агрессивность, кто-то просто смирился с тем, что современный мир, запутавшийся в противоречиях между своими чересчур размножившимися дискурсами, не способен разрешить проблемы, им же самим порождённые. Так или иначе, обвала не избежать, и это, похоже, признают все. Тем более важно сопоставить разные эскизы пейзажа перед бурей.

Генеральной тенденцией современности я полагаю закат и гибель *логоцентризма* как системообразующей макрокультурной парадигмы. Речь идёт не о полном исчезновении логоцентрических дискурсов и их носителей, а об их вытеснении на периферию будущего культурного и цивилизационного пространства. Эта генеральная тенденция складывается как равнодействующая интегративных и дезинтегративных процессов, каковые противоборствуют, вообще говоря, на протяжении всей социальной истории, и даже задолго до появления человека.

Невооружённым глазом видно, что в сегодняшнем мире универсальные тенденции интеграции и дезинтеграции представлены парадигмами *глобализации* и *постмодерна*.

Следует, однако, избегать коварных aberrаций, дабы не уподобиться «просвещённому европейцу» XIX века, для которого понятие человечества совпадало с понятием цивилизованного мира, представленного всё той же Европой. И хотя наивный европоцентризм вроде бы давно из научного обихода изгнан, примеров такого рода aberrаций тем не менее предостаточно. Да и как им не быть на фоне глобалистского проекта, осуществляемого прежде всего США под прикрытием мультикультуралистских деклараций. Не следует также забывать о том, что глобализация и постмодернизм (в более широком контексте – постмодерн) охватывают меньшую часть человечества, в то время как за пределами ближней цивилизационной периферии, поверхностно затронутой этими процессами, остаются традиционно ориентированные общества, изолированные, по существу, и от того, и от другого.

И это вполне естественно: противоположности зримо сталкиваются и взаимодействуют только в зоне фронта развития, точнее, сам этот фронт, собственно, и возникает в результате этого взаимодействия. А почва для этих процессов была подготовлена в ходе модернизации на протяжении всего XX века. Человечества как единого субъекта не суще-

ствуется. Во всяком случае, пока его целостность объектна. И платой за размашистые обобщения и риторические удобства рассуждений оказывается неадекватность понимания *другого*, несостоятельность прогнозов, неосуществимость крупномасштабных социально-политических программ, ориентированных на некий усреднённый человеческий стандарт.

Постмодерн и глобализация имеют место прежде всего в ареале евроатлантической цивилизации, а также на её ближней периферии и в регионах, успешно прошедших модернизацию и удерживающих (а в некоторых областях и задающих) темп социокультурной и технологической динамики. Тенденции эти проникают во все поры и клетки культуры и совокупно определяют, по сути, идейную и духовную атмосферу современности. Так, новые формы культурного творчества, интерактивные и виртуальные, приходящие на смену умершим (или существующим латентно), ориентированы вроде бы на внутренне свободную и творчески продуктивную личность. Но те же интерактивные и виртуальные технологии весьма хороши для манипулирования сознанием и подсознанием. Прямое обращение к архаическим программам, залегающим в доличностной ментальности и легко актуализуемым, открывает манипуляторам почти неограниченные возможности господства над объектом манипуляции, который этого к тому же не осознаёт, а напротив, актуализация этих архаических программ даёт ему иллюзию освобождения и приобщения к простому и ясному мировому порядку. Как архаик не мог и помыслить, что вовлечение его в ритуал есть насилие над его сознанием, так и его современный наследник и не думает сопротивляться виртуализации окружающего культурного ландшафта и его кодированию довольно простыми играми-сценариями. Коммуникативное поле творчества в его традиционном новоевропейском понимании сузилось, с одной стороны, до локальных субкультурных (часто полумаргинальных) групп, а то и до виртуального мира одного отдельного персонального компьютера; с другой же стороны, параллельный мир в виртуальном пространстве всюду расширяется – подобно тому, как в раннепервобытную эпоху разворачивался мир артефактов, всё более вытесняющий природный. Действительно, не надо быть искушённым антропологом, чтобы понять, что личная страничка в Интернете предстаёт своеобразным магическим двойником (душой, *alter ego*) современного неоязычника в запредельном мире, границы которого проницаемы так же, как и для архаика, стоящего на пороге неолитической революции.

Глобализация и постмодерн всякий раз совокупно образуют специфический культурный расклад – относительно устойчивый и со своими ценностными диспозициями. А динамика его изменения определяется тем, какая из тенденций тактически преобладает.

Глобализацию, как историко-культурное явление, неверно было бы

считать спецификой исключительно современной эпохи. Стремление к неограниченному росту, экспансии и ассимиляции инокультурного материала свойственно всякой культурной системе: от древневосточных деспотий и ордена тамплиеров до существовавших в недавнем прошлом. Разве Советский Союз не пытался осуществить глобализаторский проект в рамках идеологии мировой революции, а затем «программы-минимум» – мировой системы социализма?

Какие же черты современной глобализации наследуются от исторического прошлого и в чём состоит их инновационная специфика? До пошлости традиционно стремление к языковой, экономической, нормативно-ценностной, политической и другой *унификации* разных культурно-исторических форм на основе некоей базовой модели. Тенденция эта в истории реализуется всегда одинаково: на тактическом уровне она создаёт удобства для управленческих процессов и манипуляций, а на стратегическом – приводит к губительной *гомогенизации культурного пространства*, то есть истощению внутренней разнородности (разности потенциалов) и, как следствие, к угасанию, распаду и смерти культуры¹. Кроме того, для этноса метрополии – автора базовой культурно-цивилизационной модели, этого «общего знаменателя» глобализации, гегемония всегда оказывается в ущерб его национальной культуре. Так было всегда – и у древних персов, и у византийцев, и в СССР. И ничего удивительного, что в такой же ситуации оказываются современные США. С прежними глобализационными процессами у современного процесса общим является и то, что он не имеет *имманентной конечной цели*. Стало быть, рубежи глобализации могут быть поставлены только *извне*. Можно по этому поводу философически порассуждать в духе Ю. Хабермаса о незавершённости и открытости европейского культурного проекта и его пролонгированном «самододелывании». Разумеется, никому не хочется лицезреть свой финал, а тем более – сознанию с неимоверно развившейся субъектностью, коему проблема финала впервые предстаёт во всём её драматизме. (Осознание того, что западный человек и белая раса вообще уходят с исторической сцены – вещь, что и говорить, пренеприятная.) Так или иначе, очевидно, что любые сценарии самододелывания для евроатлантического сознания обернутся, как минимум, утратой его теперешнего системного качества.

Отмечу и то, что все прежние глобальные проекты осуществлялись *в эпоху идеалов* и потому были *идеократическими*. Главным средством реализации такого проекта было прямое военно-политическое насилие, а его «земной инстанцией» – идеократическая империя. Дуалистическая революция, с её постулированием Должного и идеологическими дискур-

¹ Об опасности социокультурной унификации – «тепловой смерти общества» ещё в 30-х годах прошлого века писал Л. Винарски.

сами, к тому же радикально увеличила масштаб глобалистских проектов и создала саму возможность возникновения теократических империй с их вселенскими притязаниями.

Теперь же, когда эпоха *идеалов* сменилась эпохой *интересов*, прямое военно-политическое насилие оказывается средством неадекватным. Ему на смену пришёл *неолиберальный* проект глобализации. О том, что это такое, написано уже достаточно много, и пересказывать это нет необходимости. Важно мне отметить только то, что для неолиберализма глобальный проект – это, если угодно, предсмертный рывок, после которого он покидает арену истории, а плоды глобализации используются (или не используются) уже в совсем ином историческом контексте.

Одно – особенное – обстоятельство равно сказывается и на глобализации, и на дезинтегративных процессах. Темп и плотность смыслообразовательных процессов достигли такой критической величины, при которой общекультурный контекст меняется уже не количественно, а качественно. Речь идёт о соотношении двух темпоральных факторов: длительности генезиса индивидуального сознания, ограниченной естественной продолжительностью жизни, и темпах экспликации, дуализации и структурного позиционирования экзистенциально значимых смысловых блоков. Накладываясь одна на другую, смысловые инновации не успевают закрепиться – ни в традиции, ни в ментальности. Отсюда кризис инноваций, дезонтологизация предмета, «расчеловечивание» человека, всепоглощающий релятивизм, вялость, фатализм и безразличие. Пока главные ценности находились в некоем надмирном трансцендентном центре, то есть за пределами отдельной единичной жизни, можно было, манипулируя обращением к этим ценностям, мотивировать человека на различного рода жертвы ради приобщения к этим ценностям. Но как в эпоху плюрализма ценностей и неизмеримо возросшей самости подчинить единичное (индивидуальное) всеобщему (историческому)? Как объяснить современному неотрадиционалисту, что традиционализм ведёт в исторический тупик? Современный традиционалист уже достаточно эгоистичен, чтобы игнорировать несоизмеримый с его человеческим измерением исторический план. Зачем что-то менять, куда-то стремиться, чего-то добиваться, когда мне и так комфортно. Да, это неэффективно, да в перспективе тупик, да упускаются возможности развития. Но мне и так хорошо. Я так привык. И если и моим детям хватит, то и подавно. Возразить на это трудно. Неолиберальный прогрессизм сталкивается с эгоизмом, который сам же вскормил. Нет таких целей и нет таких ценностей, которые бы стояли выше моих собственных. Маленьких – но моих! Это ещё одно следствие смерти метафизики и выхолащивания трансцендентного полюса культуры.

Поскольку именно постмодернистскому мироощущению свойственна не просто переходность, а *переходность, возведённая в принцип* (имею

в виду релятивизацию статичных ментальных установок), постольку по структуре такого рода сознания можно судить о некоторых аспектах перехода к сознанию *постлогоцентристскому*.

Исчерпание синкретического ресурса по фронту рефлексии самым непосредственным образом связано со «смертью Бога» и упомянутым концом метафизики. Имманентизация трансцендентного, постепенно приводящая к истончению, истощению и формализации последнего, есть магистральная дорога всего европейского сознания, от Античности напрямую ведущая к постмодернизму. Неудивительно, что постмодернисты, точнее, постмодернистски настроенные умы в закатных фазах европейской культурной истории, начиная с эпохи эллинизма, склонны усматривать исторические репетиции постмодернизма.

Итак, изживание логоцентрической культурной парадигмы, с её монотеизмом, презумпцией Должного, отчуждающим аналитизмом и всем спектром мироустроительных установок: от теократии (антропологический минимализм) до либеральной демократии (антропологический максимализм), – таков глобальный и фундаментальный процесс нашей переходной эпохи. И постмодернизм выступает не инициатором этого процесса, а вернейшим индикатором оногo.

Постмодернистское сознание в этом смысле оказывается своего рода пионером, предвестником или моделью того типа субъекта и того типа культурного сознания, которому предстоит утвердиться в скором будущем на обломках логоцентрической культуры. Предвестниками, впрочем, справедливо будет считать великих ниспровергателей «законодательного разума» – Ф. Ницше, З. Фрейда, А. Стриндберга и ещё нескольких трагических одиночек. В современном социуме пионеры от постмодернизма чувствуют себя куда более комфортно. Но речь не об этом. Важно приглядеться к этому новому, формирующемуся типу сознания и попытаться угадать тенденции его развития.

Думается, вопреки постмодернистским декларациям, полный крах рационально-иерархического принципа миру никак не грозит. Оттого, что определённая группа людей в некоторых сферах своего мышления и деятельности (не более!) вышла на горизонтально-сотовые доминанты смыслообразования и, на них заиклившись, перестала замечать иерархические основы как всеобщего, так и своего собственного бытия (взять хотя бы рутинный социально-бытовой аспект), последние не перестали существовать вовсе.

Постмодернистское отрицание логоцентризма – это не просто заурядная борьба мировоззренческих установок внутри некоей макропарадигмы, как это неоднократно бывало раньше. Происходит смена самой макропарадигмы. Именно постмодернизму выпала историческая роль могильщика логоцентризма – макропарадигмы, родившейся в Античности, утвер-

дившейся с победой монотеизма и на протяжении новоевропейской истории пережившей бурную историю кризисов и взрывного развития.

Не случайно расцвет постмодернизма в его узкоисторическом понимании совпал с началом экранной революции. События эти взаимосвязаны и равно свидетельствуют об исчерпании логоцентрической парадигмы и о рождении нового качества сознания. И это новое качество действительно принципиально отличается от всего, что было прежде. Доктринальный постмодернизм в своей имманентной эволюции со временем свернётся, скорее всего, до локальной субкультуры. Но дух постмодернизма ещё более захватит современное сознание, станет от него неотделимым. И как господин Журден не знал, что говорит прозой, интеллектуалы ближайшего будущего (не говоря уже обо всех остальных) не будут в полной мере отдавать себе отчёт в том, чем они обязаны постмодернизму. Период экспансии постмодернизма, очевидно, прошёл, и теперь его будут неуклонно вытеснять с «незаконно оккупированных территорий» – прежде всего из философии и науки. Законными же его владениями останутся, скорее всего, сферы художественного творчества и смежные с ним подсистемы культуры. Но что касается постмодерна как явления, более широкого и глобального, то его значение в будущем представляется гораздо более масштабным. Он станет (собственно, уже становится) одной из главных несущих конструкций пост-логоцентрического сознания, и перед ним – в этом его качестве – раскрываются широкие перспективы.

Если внутри постсовременного сознания доктринальный дуализм спрятался, перейдя на клеточный уровень и тем самым смикшировав остроту всех противоречий, то в общемировом масштабе на наших глазах оформляется глобальное противостояние, которое в широком смысле может быть охарактеризовано как эволюционное соперничество логоцентрической и альтернативной ей парадигм. Этот глубинный процесс опосредован множеством тенденций в политике, экономике, идеологии и пр.

Неолиберальная цивилизация не готова даже признать ту очевидную истину, что мир как целое *никогда не будет жить по её законам*.

Сознанию нового типа, сознанию «людей Цифры», приходящим на смену «людям Слова», подходит, как нам кажется, такое понятие, как **НОВАЯ ЕСТЕСТВЕННОСТЬ**.

Первоначального единства с природой, от которого цивилизация неуклонно и целенаправленно удалялась на протяжении всей своей истории, достичь, вопреки романтическим грёзам некоторых философов и экологов, никогда не удастся. Палеосинкретизм распался необратимо – что ушло, то ушло. Но, оставив за спиной Дуалистическую революцию и порождённый ею логоцентризм, можно попытаться достичь новой естественности, снимающей в себе весь опыт исторического бытия культуры.

Достигшее её сознание любую среди осевших в подсознании программ выбирает окказионально, в согласии с заново раскрепощённой интуицией. Причём интуицией не архаической, не полуживотной, а уже преимущественно культурной. Разумеется, природно-атавистические основания интуиции никуда не исчезают. Более того, прямая и непосредственная биоэнергетическая связь и природа проводящей её «субстанции», вопреки логоцентристским табуациям, будут, наконец, адекватно осмыслены. Уже сами прорывы дискурсов на эту тему в науку и философию свидетельствуют об ослаблении господства логоцентрических принципов, не терпящих никаких альтернативных моделей мира.

Принцип *новой естественности* включает в себя, помимо всего прочего, невмешательство в имманентную диалектику иного, что практически означает: не мешать умирать нежизнеспособному. Например, международные конфликты, с точки зрения такого сознания, следует не гасить, а локализовать. Покуда манихеи-паллиаты не навоюются, примирить их невозможно. Пример – Ближний Восток. С варваром следует говорить по-варварски, то есть на единственно понятном ему языке. Следует признать неизбежность, подчас даже необходимость вооружённых конфликтов и социального насилия как вполне естественного способа разрешить противоречия между субъектами определённого типа – даже если ради того придётся пожертвовать такими «священными коровами», как «Всеобщая декларация прав человека» и представление о войне как о преступлении. В реальной политике понимание этого вроде бы, повторю, уже есть. Но, в отсутствие адекватной идеологии, оно высказывается как-то анекдотически стыдливо, под лукавым прикрытием двойных и тройных стандартов.

Человек всегда был существом антиэкологическим. Разлад его со своим экосом Дуалистическая революция и её последствия довели до критического уровня. «Гуманистическая» установка на любовь к ближнему и продление жизни нежизнеспособному с неизбежностью приводит к вырождению – природу не обманешь!

Либеральный гуманизм презумпировал самоценность и самодостаточность каждой отдельной личности. Задайся подобной презумпцией природа, экологический баланс вмиг пошёл бы вразнос, ибо каждый вид ничем не был бы сдержан в своём экстенсивном размножении. Да и все клетки просто превратились бы в раковые. Именно к такому развитию событий толкает мир либеральная цивилизация, перенося на иные культурные субъекты свои нормы, ценности и стандарты и открывая им путь к ресурсам и технологиям, органически не свойственным их собственным цивилизационным парадигмам. Притом совершенно неважно, с какой целью – во имя принципов гуманизма или ради собственной выгоды.

Пока что, однако, до сознания не доходят даже простые истины вроде тех, что нельзя навязывать архаику формы современной парламентской демократии или в ультимативном порядке требовать отмены смертной казни в стране, где цена человеческой жизни сопоставима с ценой патрона. А ведь развитие ситуации заставит, и очень скоро, пойти гораздо дальше. Дай бог, если обновлённый социал-дарвинизм окажется в XXI веке идеологией самой жёсткой.

Не углубляясь в прогностику – это, повторю, дело неблагодарное – можно, утверждать, что XXI век в любом случае будет эпохой столкновения уходящего логоцентризма (по всей видимости, с традиционно ориентированным исламом в авангарде) и становящейся неологоцентрической системы, представленной новыми центрами. Именно это противостояние будет глубинной причиной конфликтов начавшегося века, и происходить они будут в режиме всё более размытых фронтиров – не между обществами, а внутри них самих, вплоть до микросоциального уровня. В ходе этих конфликтов мир радикально изменится. Картину этих изменений едва ли можно представить, глядя из нынешнего дня. Но в самом общем виде можно прогнозировать в текущем столетии два основных фронта. Первый – граница между носителями *новой естественности* (восходящая линия) и носителями позднего логоцентрического сознания в его неолиберальной версии (нисходящая линия) *внутри* самой Западной цивилизации. Второй – между Западной цивилизацией как целым и её ближайшей цивилизационной (а не географической!) периферией и тактически объединённым сообществом традиционного логоцентризма во главе с исламским фундаментализмом. От прогнозов того, в какую картину сложится это противостояние, я скромно воздержусь.